

19	0222	ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	"Большое дерево"	Часть 1 "Сквозь лирный строй"
20	0222-2	ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	"Большое дерево"	Часть 2 "Догорание"

"Большое дерево" (Коренблит – Рождественский В.)

Часть 2 "Догорание"

1(24). Мы в расчёте	– 1.38
2(25). Враги или друзья?	– 1.24
3(26). Берёза	– 2.07
4(27). Как большое дерево	– 2.10
5(28). Я бы пел	– 1.17
6(29). Усталая метель	– 1.22
7(30). О музе	– 2.52
8(31). Царское село	– 2.28
9(32). Проходят годы	– 1.56
10(33). Обыкновенные дни	– 2.06
11(34). Догорание	– 2.07
12(35). Эти вечера	– 2.19
13(36). Сквозь лирный строй	– 1.49
14(37). Верность	– 1.33
15(38). Душа моя	– 1.38
16(39). В этом жизнь	– 2.05
17(40). Всё проходит. Сердце остаётся	– 1.17
18(41). Вам	– 1.50
19(42). На смерть поэта	– 2.17

Общее время звучания – 36.15

Общее время звучания – 73.15

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Догорание"

1. МЫ В РАСЧЁТЕ

Что ж, душа, с тобою мы в расчете,
 Возвращаю гладкое кольцо.
 Пусть тряхнет на позднем повороте,
 Пусть ударит дождиком в лицо.

Как жилось, как пелось, как любилось –
 Все скажи с последней прямоюй.
 И в кого ты только уродилась
 Русскою скуластой смуглотой?

О, цыганка милая, когда бы
 Мог я лечь к тебе в костер травы!
 Но твои колени слишком слабы
 Для такой тяжелой головы,

И уж не могу я верить счастью,
 Если, и жалея, и кляня,
 Ты глядишь с неизъяснимой страстью
 Сквозь слезу разлуки на меня...

2. ВРАГИ ИЛИ ДРУЗЬЯ?

Как в сумеречный день дыханье пены зыбкой,
Воображение безжалостно дразня,
С досадной воркотней иль ласковой улыбкой
Всегда ты ускользаешь от меня.

Скрываясь за пустой или небрежной фразой,
Какую-то печаль безжалостно тая,
Не веришь ни словам, ни песне, ни рассказу, —
Со мной — и без меня, моя — и не моя.

И только в комнате с раздернутою шторой,
Среди таинственно рассыпанных огней,
Вдвоем, лицом к лицу, мы скрещиваем взоры,
Враги или друзья? — так, что нельзя тесней.

3. БЕРЁЗА

Берёза, дерево любимое,
Берёза, милая сестра,
Тебя из розового дыма я
Над тинной заводью с купавою,
Серебряную и кудрявую,
Увидел с поезда вчера...

Но ты дрожала вся от холода
В тумане, плившем по реке,
И всё, что в песне было молодо,
Вдруг стало облаком пылающим
Над этим полем, пролетающим
С костром пастушьим вдалеке.

И вспомнил я крыльцо покатое,
Жасмин и гнезда над окном,
На взгорье дерево косматое,
Колодец, черную смородину...
Я вспомнил юность, вспомнил родину
Под легким северным дождем.

Береза, девушкой зеленою
Шумя в родимой стороне,
Ты, заглянув в окно вагонное,
Качнула кос осенних золото
И так вся улыбнулась молодо,
Что стало весело и мне.

4. КАК БОЛЬШОЕ ДЕРЕВО

Был всегда я весел и тревожен,
Словно ветер — каждый день иной,
И такой мне был зарок положен,
Чтоб шуметь березой вековой.

Не ломал рябины горькой кисть я,
Не рыдал в ночи, как соловей.
Расчеши мне пламенные листья,

По оврагам с посвистом развей!

Если я сквозь дождик морозящий,
Как большое дерево, пою,
Это значит: бурей настоящей
Закачало голову мою.

А когда сломаюсь над простором,
Многошумной бурей помяни, —
Всё же рос я деревом, в котором
Ты качала грозовые дни.

5. Я БЫ ПЕЛ

Только вспомню овраг и березы,
Да в кустах заколоченный дом,
Ледяные, как олово, слезы
Оседают на слове моем.

Оттого, что без счастья и боли
Я смотреть на деревья не мог,
Мне хотелось бы ивою в поле
Вырастать у размытых дорог.

Я бы пел — и печально и строго —
Многошумной своей головой,
Я бы пел, чтоб дышать хоть немного
Вместе с вами тревогой земной.

Ведь в разлуке еще непокорней
Захотят, задыхаясь в пыли,
Обнимать узловатые корни
Невеселое сердце земли.

6. УСТАЛАЯ МЕТЕЛЬ

Бросая к небу колкий иней
И стряхивая белый хмель,
Шатаясь, в сумрак мутно-синий
Брела усталая метель.

В полукольце колонн забыта,
Куда тропа еще тиха,
Покорно стыла Афродита,
Раскинув снежные меха.

И мраморная грудь богини
Приподнималась горячо,
Но пчелы северной пустыни
Кололи девичье плечо.

А песни пьяного Борея,
Взмывая, падали опять,
Ни пощадить ее не смея,
Ни сразу сердце разорвать.

7. О МУЗЕ

На исходе зимних первопутных дней
Поселилась муза в комнате моей.

Разогнув под лампой пропыленный том,
Я ее дыханье слышу за плечом.

И ложатся тихо, как сухой огонь,
Узенькие пальцы на мою ладонь.

Обернусь — всё пусто. Кресло и стена,
Ватой заложила уши тишина.

И идут, как сердце, в черном ремешке
Часовые стрелки на моей руке.

Только заструится песенный ковыль —
Слышу, кто-то ходит, вытирает пыль,

О фарфор колечком звякнув невзначай,
В голубую чашку наливает чай.

Смотрит, как пишу я, и, вздохнув слегка,
Трогает губами уголок виска.

Кто ты, я не знаю, — муза иль жена,
От тебя такая в доме тишина.

Ты всегда со мною — днем или во сне,
Если что забуду, ты подскажешь мне,

Если что замечу иль скажу не так,
Ты от всех незримо подаешь мне знак.

Ничего я в жизни грустью не корю,
Весело и просто с миром говорю.

Потому и стрелка на руке моей
Как клубок мотает пряжу светлых дней.

Потому и путь мой вольной песней лег,
Потому и голос на заре высок.

8. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Если колкой вьюгой, ветром встречным
Дрогнувшую память обожгло,
Хоть во сне, хоть мальчиком беспечным
Возврати мне Царское Село!

Бронзовый мечтатель за Лицеем
Посмотрел сквозь падающий снег,
Ветер за клубился по аллеям,

Звонких лыж опередив разбег.

И бегу я в лунный дым по следу
Под горбатым мостиком, туда,
Где над черным лебедем и Ледой
Дрогнула зеленая звезда.

Не вздохнуть косматым, мутным светом, -
Это звезды по снегу текут,
Это за турецким минаретом
В снежной шубе разметался пруд.

Вот твой теплый, твой пушистый голос
Издали зовет — вперегонки!
Вот и варежка у лыжных полос
Бережет всю теплоту руки.

Дальше, дальше!.. Только б не проснуться,
Только бы успеть — скорей! скорей! —
Губ ее снежинками коснуться,
Песнею растаять вместе с ней!

Разве ты не можешь, Вдохновенье,
Легкокрылой бабочки крыло,
Хоть во сне, хоть на одно мгновенье
Возвратить мне Царское Село!

9. ПРОХОДЯТ ГОДЫ

Земное сердце не устанет
Простому счастью биться в лад.
Когда и нас с тобой не станет,
Его другие повторят.

Но ты, мое очарованье,
Моя морозная заря,
Припомнишь позднее свиданье
В зеленых звездах января.

Закрой меня своею шалью,
Закутай сердце в бахрому.
С какой взмывающей печалью
Тебя, голубка, обниму!

Долей вино тревогой старой.
В последний раз в любви земной
Я стану верною гитарой,
А ты натянутой струной.

Мороз крепчает. Гаснет пламя.
Проходят годы. Мы одни.
Остановись хоть ты над нами,
Мохнатый месяц, в эти дни!

10. ОБЫКНОВЕННЫЕ ДНИ

Был полон воздух вспышек искровых,
Бежали дни — товарные вагоны,
Летели дни. В неистовстве боев,
В изодранной шинели и обмотках
Мужала Родина и песней-вьюгой
Кружила по истоптанным полям.

Бежали дни... Январская заря,
Как теплый дым, бродила по избушке,
И, валенками уходя в сугроб,
Мы умывались придорожным снегом.
Пока огонь завертывал бересту
На вылизанном гарью очаге.

Стучат часы. Шуршит газетой мышь.
«Ну что ж! Пора!» — мне говорит товарищ,
Хороший, беспокойный человек
С веселым ртом, с квадратным подбородком,
С ладонями шершавее каната,
С висками, обожженными войной.

Опять с бумагой шепчется перо,
Бегут неостывающие строки
Волнений, дум. А та, с которой жизнь
Как звездный ветер, умными руками,
Склонясь к огню, перебирает пряжу —
Прекрасный шелк обыкновенных дней.

11. ДОГОРАНИЕ

Целый вечер слушаем мы Глинку,
Сумерки струятся над камином.
Раскуси смолистую хвоинку —
И вокруг запахнет мандарином.

А на елке догорают свечи...
Наши встречи на любовь похожи.
В стародавнем парке эти встречи
Были и томительней и строже.

Зачерпнул я с лунного сугроба
Горстку легкой свежести морозной,
И, смеясь, мы наклонились оба
К нашей тайне, тающей и звездной.

Стали дни медлительней и строже,
И не знать нам больше лунной пыли.
Юным снам нет отклика... Но всё же
Как неповторимо мы любили!

Поздно... Догорающие свечи
Тянутся слоистыми шелками.
Всё сгорает, даже сны и встречи...

Хорошо, что мы сгораем сами.

12. ЭТИ ВЕЧЕРА

Было это небо как морская карта:
Желтый шелк сегодня, пепельный вчера.
Знаешь, в Петербурге, на исходе марта,
Только и бывали эти вечера.

Высоко стояла розовая льдинка,
Словно ломтик дыни в янтаре вина.
Это нам с тобою поклонился Глинка,
Пушкин улыбнулся из того окна.

Солнечную память узелком завяжем,
Никому не скажем, встанем и пойдем:
Над изгибом Мойки, там, за Эрмитажем,
Памятный для сердца молчаливый дом.

Нам ли не расскажут сквозь глухие пени
Волны, что тревожно о гранит шуршат,
Знал ли Баратынский стертые ступени,
И любил ли Дельвиг вот такой закат!

Где ты? Помнишь вербы солнечной недели,
Дымный Исаакий, темный плащ Петра?
О, какое небо! Здесь, в ином апреле,
Нам с тобой приснятся эти вечера!

13. СКВОЗЬ ЛИРНЫЙ СТРОЙ

Вон там огни, через деревья сада —
Едва, едва.
Летящий мост, гранитная ограда,
Моя Нева.
И мы стоим без слова и дороги,
Как вся река,
В морском ветру, в пророческой тревоге,
В руке рука.
Ну можно ль так не в шутку заблудиться
В простом краю?
Ни Всадника, ни серых сфинксов лица
Не узнаю.
Сквозит апрель — последний холод года.
Близка заря.
Я, как Нева, жду только ледохода
В мои моря.
Весь этот мир, подаренный мне снова, —
Такой иной,
И я несу любви большое слово
Сквозь лирный строй.

14. ВЕРНОСТЬ

Вот сердце уже осторожно
С клюкою по камню идет,

Еще забываться возможно.
Но счастья замедлен полет.

Я пью его жадно, а солод
Уже остается на дне,
И ночью безжалостный холод
Всё чаще бежит по спине.

А то, что любил я когда-то, —
Весь милый, развеянный прах, -
Как пепел земного заката
В моих остывает руках.

Напрасной и страстною силой
Пронизаны наши сердца.
О песня! Как женщине милой,
Я верен тебе до конца!

15. ДУША МОЯ

Вся жизнь твоя прошла под подозреньем,
 Душа моя,
И ты была лишь легким сновиденьем,
 Душа моя.

Мир отрицал твое существованье,
 Мир — но не я.
Я шел к тебе на тайное свиданье,
 Душа моя.

Наш век суров. Он любит то, что зримо,
 Ткань бытия,
А ты была, как дым, неуловима,
 Душа моя.

И лишь во сне, над этой жизнью рея,
 Себя тая,
Цветка касалась бабочка-Психея,
 Душа моя.

Друг друга мы порой не узнавали,
 Но знаю я,
Что ты со мной — и в счастье, и в печали,
 Душа моя!

16. В ЭТОМ ЖИЗНЬ

О садах, согретых звездным светом,
Горестно и трудно мы поем.
Оттого-то на пути земном
Ангелы приставлены к поэтам.

Водят, как слепых или детей,
И, неутомимые скитальцы,
Слышим мы внимательные пальцы

Милых спутников в руке своей.

Ангел неразумный и простой,
Никогда не знающий, что надо,
Верю, будешь ты моей женой,
Легкой девушкой земного сада.

Для земных неповторимых дней
Уходя от звезд и райских клавиш,
В бестолковой комнате моей
Пыль сотрешь и вещи переставишь.

А когда услышишь сквозь века
Мерный ветер этой жизни сирой,
Гибкая, в пылающих руках
Станешь человеческою лирой.

Был я слеп, но сын мой, наконец,
Всё поймет, испепеленный светом,
И про то, чего не знал отец,
Скажет, потому что стал поэтом.

Ненасытен и многоочит
Будет он, как полная лампада.
В этом жизнь. И бог меня простит,
Если говорю не так, как надо!

17. ВСЁ ПРОХОДИТ. СЕРДЦЕ ОСТАЕТСЯ

Словно ветер на степном просторе
Иль рожок, звенящий за горой,
Как сквозь сон, в дни радости и горя,
До тебя доходит голос мой.

Подожди, помедли хоть мгновенье,
Памятью былого не кляни.
Ведь недаром снежное цветенье
Осыпали молодые дни!

Пусть душа и плачет, и смеется —
Нам другой на свете не найти.
Все проходит. Сердце остается.
Милый друг, счастливого пути!

Подожди, помедли хоть мгновенье,
Памятью былого не кляни.
Ведь недаром снежное цветенье
Осыпали молодые дни!

Пусть душа и плачет, и смеется —
Нам другой на свете не найти.
Все проходит. Сердце остается.
Милый друг, счастливого пути!

18. ВАМ

Друг, Вы слышите, друг, как тяжелое сердце мое,
Словно загнанный пес, мокрой шерстью порывисто дышит.
Мы молчим, а мороз всё крепчает, а руки как лед.
И в бездонном окне только звезды да синие крыши.

Там медведицей белой встает, колыхаясь, луна.
Далеко за становьем бегут прошуршавшие лыжи,
И, должно быть, вот так же у синего в звездах окна
Кто-нибудь о России подумал в прозрачном Париже.

Больше нет у них дома, и долго бродить им в снегу,
Умирать у костров, да в бреду говорить про разлуку.
Я смотрю Вам в глаза, я сказать ничего не могу,
И горячее сердце кладу в Вашу бедную руку.

19. НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Обернулась жизнь твоя цыганкою,
А в ее мучительных зрачках
Степь, закат да с горькою тальянкою
Поезда на запасных путях.

Ты глазами, словно осень, ясными
Пьешь Россию в первый раз такой —
С тройкой, с колокольцами напрасными,
С безысходной девичьей тоской.

В пламенное наше воскресение,
В снежный вихрь — за голенищем нож —
На высокое самосожжение
Ты за ней, красавицей, пойдешь.

Довелось ей быть твоей подругою,
Роковою ночью, без креста,
В первый раз хмельной крещенской вьюгою
Навсегда поцеловать в уста.

Спи, поэт! Колокола да вороны
Молчаливый холм твой стерегут,
От него на все четыре стороны
Русские дороженьки бегут.

Не попам за душною обеднею
Лебедей закатных отпевать...
Был ты нашей песнею последнею,
Лучшей песней, что певала Мать.